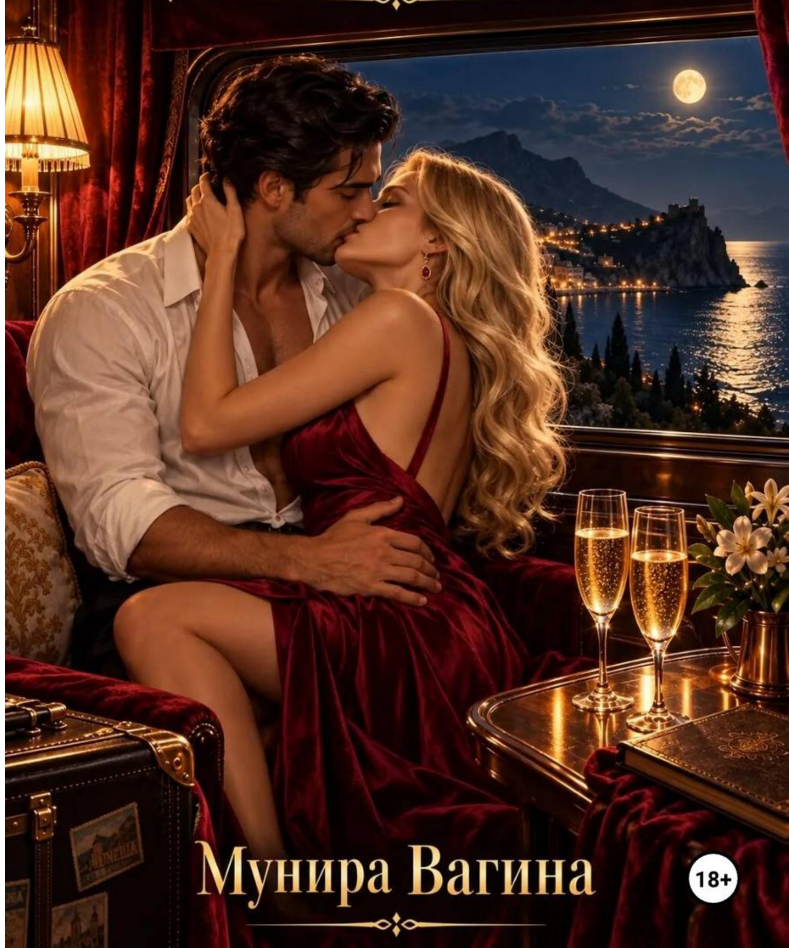

Цена свободы

Мунира Вагина

18+

Мунира Вагина

Цена свободы

<https://litres.ru/74482698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Давид и Максим два месяца вкалывали на московской стройке, мечтая лишь об одном — вырваться к морю и хотя бы на две недели почувствовать себя свободными. Дорога в Крым обещает солнце, вино, случайные знакомства и жизнь без обязательств. Но в поезде они встречают Лену и Катю — двух замужних женщин, которых мужья сами провожают на отдых.

Сначала всё кажется красивой авантюрой: ночные разговоры под стук колёс, курорт, рестораны, подарки, притяжение, которое становится слишком сильным, чтобы считать его просто развлечением. Давид всё глубже втягивается в отношения с Леной и начинает верить, что за случайной встречей скрывается нечто настоящее.

Но чем ближе конец отпуска, тем больше странностей возникает вокруг женщин. И одна встреча превращает романтическую историю в жестокую игру, где любовь, деньги, верность и свобода оказываются частью чужого расчёта.

Сколько стоит право жить без правил — и кто в итоге платит настоящую цену за свободу?

Содержание

Глава 1. Последний день на стройке	4
Глава 2. Казанский вокзал	10
Глава 3. Отправление	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Цена свободы

Глава 1. Последний день на стройке

Бетон лип к рукам, въедался в кожу серой коркой. Давид разогнул спину, вытер ладони о штаны и посмотрел на небо — низкое, мутное, московское. Август кончился, но жара стояла плотная, душная, пропитанная выхлопами и пылью. Рубаха прилипла к лопаткам, под каской волосы слиплись от пота.

— Давай, давай, красавчики мои! — заорал прораб, высунувшись из вагончика. — Ещё полчаса — и свободны!

Максим выругался вполголоса, но руки двигались сами — мастерок, раствор, кирпич. Две недели назад они ещё спорили, как класть, куда шов вести. Теперь делали молча, на автомате. Два месяца на этой стройке — казалось, целая жизнь. Вставляли в пять, к шести уже стояли в опалубке, месили, таскали, укладывали. К вечеру ноги гудели так, что в общагу добирались еле живые. Ужин — макароны с тушёнкой, душ — если повезёт с водой, сон — пока не вырубит.

Давид подтащил последнюю лопату цемента, выложил её в корыто, разровнял. Максим кивнул, взял мастерок, провёл по шву. Ровно. Красиво даже. Давид усмехнулся — вот и

доработались, руки сами знают, куда идти.

— Всё, пацаны! — прораб вышел из вагончика, хлопнул дверью. — Принимаю работу.

Он прошёлся вдоль кладки, присел на корточки, постучал кулаком по бетону, выпрямился, достал из кармана пачку «Явы», закурил.

— Нормально, — сказал он, выпуская дым. — Не обосрались. Завтра приёмка, а вы свободны. Расчёт — сейчас.

Давид снял каску, провёл рукой по волосам. Максим стянул перчатки, швырнул их в угол. Прораб полез в вагончик, вернулся с двумя конвертами, протянул.

— Считайте.

Давид вскрыл конверт прямо на месте, пересчитал. Всё на месте. Два месяца работы — сорок восемь тысяч. Чистыми. Максим тоже пересчитал, сунул конверт в карман куртки, достал сигареты, протянул Давиду.

— Спасибо, мужики, — прораб кивнул. — Если что — звоните, ещё наберу.

Они не ответили. Максим прикурил, Давид тоже. Стояли, молча, глядя на недостроенное здание — серый каркас, торчащая арматура, горы щебня. Два месяца жизни остались в этом бетоне. Спина, руки, ругань, пот. А теперь — всё, конец. Завтра сюда придут другие, доделают, покрасят, повесят вывеску. А они уже будут далеко.

— Пошли, — сказал Максим. — Нечего тут стоять.

Они переоделись в бытовке — сняли робу, натянули

джинсы, футболки. Давид сунул конверт во внутренний карман рюкзака, застегнул молнию. Максим вытащил из шкафчика бутылку водки, помахал ею перед носом Давида.

— На дорожку?

— Потом, — Давид покачал головой. — В поезде.

— Правильно, — Максим сунул бутылку в свой рюкзак. — В поезде оно вкуснее.

Вышли на улицу. Вечер опускался на город медленно, нехотя. Солнце висело над крышами, красное, пыльное. Народ валил с работы — усталые лица, пустые глаза, автобусы, забитые под завязку. Давид и Максим пошли пешком до метро, не торопясь. Впервые за два месяца некуда было спешить.

— Значит, завтра вечером — Казанский вокзал, — Максим достал телефон, глянул на время. — Успеем без спешки?

— Успеем, — Давид кивнул. — Я с утра куплю жратвы в дорогу. Ты что брать будешь?

— Водку возьму, — Максим усмехнулся. — Колбасу. Хлеб. Огурцы. Стандартный набор.

— Не забудь сигареты.

— Не забуду.

Спустились в метро, втиснулись в вагон. Давид прислонился к поручню, закрыл глаза. Шум, давка, запах пота и парфюма. Москва. Он два месяца не видел её — только стройку, общагу, дорогу между ними. А теперь вот уезжает.

На две недели. В Крым. К морю.

Максим стоял рядом, смотрел в телефон, что-то листал. Потом убрал телефон, повернулся к Давиду.

— Слушай, а девок там найдём?

Давид открыл глаза, посмотрел на него.

— Найдём.

— Точно?

— Море, пляж, курорт, — Давид пожал плечами. — Куда они денутся?

Максим усмехнулся, кивнул. Помолчал.

— А бабки хватит?

— Хватит, — Давид достал телефон, открыл калькулятор. — Гостиница — десять тысяч на двоих за две недели. Жратва — ещё тысяч десять. На развлечения — двадцать. Остаётся восемь про запас.

— Нормально, — Максим кивнул. — Погуляем.

— Погуляем, — согласился Давид.

Вышли на своей станции, поднялись наверх. Общага встретила их запахом капусты, хлорки и дешёвого табака. В коридоре кто-то орал, из-за двери доносилась музыка. Максим толкнул дверь их комнаты, зашёл первым, швырнул рюкзак на кровать.

— Последняя ночь в этой дыре, — сказал он. — Завтра — свобода.

Давид кинул рюкзак на свою кровать, сел, достал сигареты. Закурил. Максим достал бутылку, открутил крышку, сде-

лал глоток, передал Давиду. Тот тоже глотнул, передал обратно.

— За Крым, — сказал Максим.

— За Крым, — повторил Давид.

Они допили бутылку вдвоём, не закусывая. Потом Максим вырубился на своей кровати, не раздеваясь. Давид ещё посидел, докурил сигарету, лёг. Потолок плыл перед глазами — трещины, разводы, паутина в углу. Два месяца он смотрел на этот потолок каждый вечер. А завтра — всё, конец. Больше не вернётся сюда. Никогда.

Заснул под утро.

Проснулся от того, что Максим тряс его за плечо.

— Вставай, соня. Уже десять.

Давид разлепил глаза, сел. Голова гудела, во рту пересохло. Максим уже оделся, стоял у окна, курил.

— Пошли жратву покупать, — сказал он. — А то опоздаем.

Давид кивнул, встал, оделся. Умылся ледяной водой в общем туалете, вытерся рукавом. Вышли на улицу. Солнце било в глаза, жара наваливалась сразу, как из печки.

В магазине купили всего — колбаса, хлеб, сыр, огурцы, помидоры, шоколад, чипсы, три бутылки водки, две бутылки пива, сигареты блоками. Максим ещё схватил консервы — тушёнку, шпроты.

— На всякий случай, — пояснил он.

Вернулись в общагу, запихали всё в рюкзаки. Давид сунул

деньги в два места — часть в карман джинсов, часть в рюкзак, в боковой карман. Максим сделал так же.

— Ну что, — сказал Максим, оглядывая комнату. — Свалили?

— Свалили, — Давид кивнул.

Закрыли дверь, сдали ключи коменданту. Та посмотрела на них мутным взглядом, кивнула, ничего не сказала. Вышли на улицу. Взяли такси — первый раз за два месяца. Максим назвал водителю Казанский вокзал. Машина влилась в вечерний поток. Москва плыла за окнами — чужая, равнодушная, огромная.

Глава 2. Казанский вокзал

Казанский вокзал встретил их гулом голосов, грохотом тележек и запахом пирожков из киоска. Давид остановился у входа, сунул руку в карман джинсов — там, туго свёрнутые, лежали купюры, заработанные за два месяца на стройке. Пальцы привычно нащупали пачку, и что-то тёплое разлилось в груди. Деньги. Свои. Честные.

Максим шёл рядом, поглядывая на табло. Плечи широкие, руки загорелые, футболка натянута на крепкий торс. После двух месяцев арматуры и бетона они оба выглядели так, будто могли ворочать горы. И вот теперь — отпуск. Крым, море, свобода.

— Давай сразу СВ возьмём, — сказал Максим, кивнув в сторону кассы. — Хватит в плацкарте с бомжами толкаться.

Давид усмехнулся.

— Ты серьёзно?

— А чё? Деньги есть. Заработали — потратим. Или ты хочешь на нарах с дедом храпящим ехать?

Давид промолчал, но кивнул. Максим был прав. За два месяца они вкалывали как проклятые, слушали мат прораба, месили раствор до ломоты в спине. Теперь можно и пожить.

Очередь в кассу двигалась медленно. Впереди старушка что-то выясняла насчёт льгот, кассирша объясняла монотонно, без выражения. Давид смотрел на людей вокруг. Вокзал

кипел — кто-то бежал с чемоданами, кто-то обнимался на прощание, кто-то просто сидел на скамейке с пустым взглядом. Жизнь в движении.

Максим достал сигареты, закурил прямо у кассы, несмотря на запрет. Охранник посмотрел, но ничего не сказал — видать, решил не связываться. Давид тоже взял сигарету, прикурил от Максимовой зажигалки.

— Слышь, — Максим выпустил дым, — а давай там, в Крыму, бабу себе найдём?

Давид пожал плечами.

— Найдём, если повезёт.

— Да какое «если». Мы же с баблом едем. Летом там полно народу. Отдохнём по полной.

Давид усмехнулся, но промолчал. Максим всегда был таким — уверенным, напористым. Говорил, что хочет, делал, что хочет. Давид привык. Они дружили ещё со школы, вместе пошли на стройку после армии, вместе копили на этот отпуск.

Наконец очередь дошла до них. Кассирша — женщина лет пятидесяти с усталым лицом — подняла взгляд.

— Слушаю.

— Два билета до Симферополя, — сказал Максим. — СВ. На сегодня.

Она посмотрела в компьютер, постучала по клавишам.

— Поезд семнадцать ноль-пять. Отправление в двадцать два. Есть два места в одном купе, вагон три.

— Берём.

Она назвала сумму. Максим выложил купюры, даже не поморщился. Давид проследил за его рукой — деньги уходили легко, будто их и не зарабатывали по двенадцать часов в день. Но какая разница. Они молодые, здоровые, ещё работают.

Билеты напечатали, протянули. Максим сунул их в карман, и они пошли к перрону.

Вагон стоял у платформы — синий, чистый, с проводницей у входа. Она проверила билеты, кивнула. Внутри пахло свежестью, чем-то искусственным, но приятным. Давид шёл по коридору, разглядывая двери купе. Всё выглядело прилично — не то что плацкарт, где народу как сельдей в бочке.

Их купе оказалось в середине вагона. Максим первым зашёл, бросил сумку на нижнюю полку.

— Во, заживём, — сказал он, опускаясь на диван.

Давид кинул свою сумку наверх, сел напротив. За окном мелькали люди, тележки, перроны. До отправления оставалось минут двадцать.

Максим достал телефон, уткнулся в экран. Давид просто смотрел в окно. Ему нравилось это состояние — перед дорогой, когда всё уже позади, а впереди неизвестность. Хорошая неизвестность. Море, солнце, новые места.

Потом в коридоре раздались голоса. Женские. Давид повернул голову — мимо их купе прошли две женщины. Одна высокая, тёмноволосая, с хвостом на затылке. Вторая свет-

лая, помягче, с улыбкой на губах. Обе с чемоданами, обе нарядные — не по-вокзальному, а так, будто собрались на праздник.

Максим тоже заметил. Поднял взгляд от телефона, проводил их взглядом.

— Неплохо, — пробормотал он.

Давид промолчал, но запомнил. Тёмная была красивая — строгая, с правильными чертами лица. Светлая — мягкая, с какой-то особенной нежностью в движениях.

Женщины прошли в соседнее купе. Через минуту в коридоре появились мужики. Двое. Один высокий, широкоплечий, с букетом цветов в руке. Второй пониже, но крепкий, с ребёнком на руках — пацанёнок лет трёх, сонный, уткнулся лицом отцу в плечо.

Давид понял сразу — это мужья. Провожают.

Мужики остановились у соседнего купе, зашли внутрь. Голоса не было слышно, только приглушённый гул разговора. Давид встал, вышел в коридор — закурить хотелось, да и любопытно стало.

Максим вышел за ним.

— Видал? — шепнул он. — Баб замужние везут. Муженьки провожают.

Давид кивнул, прикуривая у открытого окна в тамбуре. Дым уносило в ночь. На перроне толпились люди — кто-то целовался на прощание, кто-то просто стоял молча, глядя на вагоны.

Через несколько минут из соседнего купе вышли мужья. Тот, что с букетом, обнял жену — тёмноволосую. Она стояла в проходе, прижималась к нему, гладила по спине. Он что-то говорил ей на ухо, она кивала. Потом поцеловал в лоб, отпустил.

Второй муж держал ребёнка, целовал светлую женщину. Пацанёнок хныкал, тянул к матери ручонки. Она погладила его по голове, поцеловала в щёку.

— Мама скоро вернётся, — сказала она тихо. — Будь умницей.

Муж кивнул, развернулся и пошёл к выходу. Первый муж пошёл следом. Оба обернулись у двери вагона, помахали. Женщины стояли в коридоре, махали в ответ.

Потом мужья исчезли на перроне.

Давид затянулся, глядя на женщин. Тёмноволосая — Лена, кажется, так её назвал муж — стояла неподвижно, смотрела в окно. Лицо спокойное, но что-то в глазах было странное. Не грусть, не тревога — что-то другое. Светлая — Катя — вытирала слёзы, улыбалась сквозь них.

— Ну что, поехали отдыхать, — сказала Лена, поворачиваясь к подруге.

Катя кивнула.

— Наконец-то.

Они зашли в купе, закрыли дверь.

Максим усмехнулся, глядя Давиду в глаза.

— Видал, да? Плакали, прощались, а теперь «нако-

нец-то». Бабы, блин.

Давид пожал плечами. Ему было не до осуждения. Может, у них свои причины. Может, мужья сволочи. Или просто устали от семейной жизни. Кто их знает.

Поезд дрогнул, тронулся. Огни Казанского вокзала поплыли назад, растворяясь в московской ночи. Давид стоял у окна, смотрел на город, уходящий во тьму. Где-то там остались стройка, прораб, бетономешалка, двенадцатичасовые смены. А здесь — купе, мягкий диван, стук колёс и ощущение свободы.

Глава 3. Отправление

Он подумал о том, что через двадцать часов они будут в Крыму. Что там тепло, даже сейчас, в конце августа. Что можно будет снять комнату где-нибудь в Алуште или Судакe, дешёвую, с видом на море. Ходить на пляж, жрать шашлык, пить вино прямо из бутылки, сидя на набережной. Может, снять девок — не проституток, нет, просто познакомиться с кем-нибудь на пляже, пригласить в кафе, а там посмотреть. Может, что-то выгорит. Может, нет. Какая разница. Главное — свобода. Никто не орёт, не гонит, не заставляет вкалывать до одури. Просто живёшь.

Максим вернулся минут через пять. Лицо у него было довольное.

— Ну что, брат, — сказал он, садясь. — Видел я их. Сидят в купе, пьют чай. Одна — высокая, тёмная, такая... — Он провёл ладонью по воздуху, изображая фигуру. — Вторая — светленькая, с родинкой над губой. Обе ничего. Обе без мужей. И, главное, весёлые. Смеются там, болтают. Я мимо проходил, дверь приоткрыта была.

— И что?

— Да ничего пока. Просто разведка. Часа через два пойдем, познакомимся. Шас рано, пусть устроятся.

Давид кивнул. Максим достал колбасу, хлеб, стал резать ножом прямо на газете, разложенной на столике у окна. За-

пах копчёностей заполнил купе.

— На, жри, — Максим протянул ему бутерброд. — А то сидишь, как неживой.

Давид взял, откусил. Колбаса была жирная, солёная, хлеб чуть чёрствый. Жевал медленно, глядя в окно. Максим ел, чавкая, запивал пивом.

— Знаешь, — сказал Максим, вытирая рот рукавом, — я вот думаю. Мы с тобой два месяца горбатились. За копейки. Прораб этот ёбанный каждый день орал, как резанный. Помнишь, когда ты арматуру уронил, он тебе чуть морду не набил? А мы терпели. Потому что бабки нужны были. Вот они, бабки. — Он похлопал себя по карману. — Теперь мы свободны. Понимаешь? Свободны. Можем делать что хотим. Никто нам не указ. Две недели — только мы с тобой, море, солнце, бабы. Как в раю, блядь.

Давид допил чай из пластикового стакана, который купил у проводницы ещё перед отправлением. Чай был холодный, невкусный.

— Да, — сказал он. — Как в раю.

Максим посмотрел на него, прищурившись.

— Ты чего такой кислый? Радоваться надо, брат. Мы же отдыхать едем, а не на похороны.

— Радуюсь, — Давид усмехнулся. — Просто устал.

— Устал. Ну да, понятно. Ладно, отдыхай. А я пойду пройдуся ещё, проветрюсь.

Максим вышел, и Давид остался один. Лёг на полку, заки-

нул руки за голову. Над ним висела верхняя полка, пустая, застеленная чистым бельём. Пахло стиральным порошком. За окном шумела темнота, и поезд стучал колёсами, мерно и монотонно.

Он подумал о доме. О матери, которая работала в школьной столовой и по вечерам смотрела сериалы, сидя на продавленном диване. О младшей сестре, которая училась в техникуме на парикмахера и мечтала уехать в Питер. Он отдаст ей часть денег, когда вернётся. Пусть купит себе что-нибудь. Новые сапоги, например. Или куртку. А матери — на лекарства. У неё опять спина болела, жаловалась по телефону.

Поезд летел вперёд, в темноту, и Давид закрыл глаза. В голове всплыли лица — прораб с налитыми кровью глазами, напарник Серёга, который сломал руку на третьей неделе и свалил обратно в деревню, бетономешалка, арматура, пыль, грязь. Два месяца ада. Но теперь всё позади.

Он открыл глаза. Посмотрел в окно. За стеклом мелькали огни, станции, леса. Мимо проплыло пустое поле, освещённое луной. Давид снова закрыл глаза и попытался представить море. Тёплое, синее, с белыми барашками на волнах. Песок под ногами. Солнце на коже. Женский смех. Вино. Свобода.

Где-то впереди играла музыка. Кто-то в вагоне включил телефон на полную громкость. Потом музыка стихла. Максим вернулся, плюхнулся на свою полку, закурил. Дым пополз к окну.

— Слушай, — сказал Максим. — А давай сейчас пойдём? Чё ждать-то. Вина возьмём, подойдём, познакомимся. Чё они, кусаться будут?

Давид сел, потёр лицо ладонями.

— Давай, — сказал он.

Максим ухмыльнулся, поднялся, полез в сумку, достал бутылку красного вина.

— Припас, — сказал он. — На всякий случай. Ну что, брат, вперёд?

Они вышли в коридор. Поезд качало, и пришлось держаться за поручни. Прошли мимо проводницы, которая сидела за столиком и читала журнал, и дошли до соседнего купе. Постучали.

Открыла высокая, тёмноволосая. Лена. Она посмотрела на них, усмехнулась.

— Да? — сказала она.

Максим улыбнулся.

— Добрый вечер, — сказал он. — Вино не хотите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.